

1893—95, и отд.), В. В. Сиповскаго («Письма русскаго путешественника» (СПб., 1899), многочисленныя изслѣдованія о вліяніи Байрона на Пушкина и Лермонтова и т. п.

Литература. Blass, «Hermeneutik und Kritik» (2-е изд., Мюнхенъ, 1892; русскій переводъ 1-го изд. Л. Ф. Воеводскаго, Одесса, 1891, гдѣ содержатся богатая библиографическія указанія); Bücheler, «Philologische Kritik» (Боннъ, 1878); «Какъ сохранились творенія классическихъ писателей?» («Сынъ Отеч.», 1842, кн. XI); А. О. Іонинъ, «О филологической герменевтикѣ» («Ж. М. Н. Пр.», 1863, ч. 120); Г. Дестуньясъ, «Какими путями нужно изслѣдовать древній классическій міръ?» («Ж. М. Н. Пр.», 1868, кн. 12); В. И. Модестовъ, «Задача классической филологіи и разныя въ ней направленія» («Кіевск. Ун. Изв.», 1877, № 9); И. И. Луньякъ, «О современномъ состояніи изученія древнеклассическихъ письменныхъ памятниковъ» («Зап. Нов. Унив.», 1893, т. 58); М. И. Мандель, «О филологическомъ методѣ изученія источниковъ» («Филолог. Обзор.», т. 14); О. О. Базинеръ, «О новѣйшихъ успѣхахъ классич. филологіи» («Ж. М. Н. Пр.», 1901, кн. 1). *А. Малевичъ.*

Филологическія Записки — журналъ, посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языковеденію и славянскимъ нарѣчіямъ; основанъ въ 1860 г. А. А. Хованскимъ въ Воронежѣ; послѣ смерти его (1899 г.) издается наследниками его, подъ редакціей С. Н. Прядкина и Б. О. Гаазе; выходитъ безъ предварительной цензуры, безсрочными выпусками, 6 разъ въ годъ. Въ Ф. Зап. принимали участіе слѣдующія лица: Н. Я. Аристовъ, А. Н. Аоанасьевъ, И. А. Водуанъ-де-Куртенъ, О. И. Буславъ, А. Д. Галаховъ, Я. К. Гротъ, Ф. Ф. Зѣлинскій, Н. И. Карѣвъ, А. А. Котляревскій, А. А. Кочубинскій, Н. А. Лавровскій, В. И. Мельковъ, А. А. Потебня, М. О. Де-Пуле, А. Н. Чудиновъ, В. И. Шерцль и мн. др. Къ Ф. Зап. имѣется библиографическій указатель статей за 25 лѣтъ, изданный отдѣльною книгою (Воронежъ, 1888).

Филологическое Обзорѣніе — журналъ классической филологіи и педагогики, выходитъ въ Москвѣ (съ 1891 г.) 4-мя выпусками (два тома) въ годъ. Первыми редакторами-издателями журнала были московскіе педагоги А. В. Адольфъ и В. Г. Appelrotъ; съ 1897 г. журналъ перешель къ А. В. Адольфу. Постоянными сотрудниками состоятъ Г. Э. Зенгеръ, О. Ф. Зѣлинскій, О. Е. Коршъ, Ю. А. Кулаковскій, В. В. Латышевъ, О. Г. Мищенко, В. И. Модестовъ, И. В. Нетушилъ, И. В. Цвѣтаевъ, А. Н. Шварцъ и др. Въ началѣ изданія редакторы стремились придать журналу реально-научный характеръ, но послѣдствіи стали преобладать статьи, посвященныя исторіи классическихъ языковъ, критикѣ текста и экзегезѣ древнихъ авторовъ. Въ отдѣлѣ «Критики и библиографіи» пѣнность имѣеть обзоръ иностранныхъ филологическихъ журналовъ и русскихъ статей, посвященныхъ классической древности. Съ 4-го тома журналъ даетъ приложенія, гдѣ помѣ-

щены переводы Г. Э. Зенгера (переводы на латинскій яз. изъ Гюго, Лермонтова, Пушкина, Тютчева и Шиллера), О. Ф. Зѣлинскаго (Еврипидъ и Софокль), Г. А. Иванова (Плутархъ), О. Е. Корша (Лукрецій и Цицеронъ), В. В. Латышева (Музей), И. И. Холодняка (Петроній и Сенека). Указатель къ I—X томамъ данъ въ X т. журнала. *А. М.—нѣ.*

Филологическое общество или, точнѣе, *Общество классической филологіи и педагогики* — существуетъ въ Петербургѣ съ 1874 г. Инициатива учрежденія его принадлежитъ А. И. Георгиевскому, состоявшему до 1896 г. и его предсѣдателемъ. Органомъ общества до 1897 г. служилъ «Отдѣлъ классической филологіи» «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», а послѣ 1897 г. — московскій журналъ «Ф. Обзорѣніе». Общество предпринимало и отдѣльныя изданія: «Doctrinae metricae summarium» — трудъ кіевского проф. Деллена (СПб., 1876); «Комментарій къ сочиненію Цицерона Cato maior», одесскаго преподавателя Ермила Чеховскаго (СПб., 1885); переводъ, съ дополненіями и исправленіями «Reallexikon des klassischen Alterthums» Любкера (СПб., 1885). Изъ провинціальныхъ отдѣленія общества, существовавшихъ въ Москвѣ, Харьковѣ и Кіевѣ, уцѣлѣло только послѣднее, со временемъ ставшее самостоятельнымъ обществомъ. См. А. Малевичъ, «Краткій очеркъ дѣятельности общества классической филологіи и педагогики за первое двадцатипятилѣтіе его существованія» (въ журн. «Филол. Обзорѣніе», т. XVII, 1899). *А. М.—нѣ.*

Филологія. — При дѣленіи наукъ на математическія, естественныя и «науки о духѣ» — дѣленіи, пользующея наибольшимъ авторитетомъ въ настоящее время — ясно, что Ф. должна принадлежать къ послѣдней изъ этихъ трехъ категорій. Науки, посвященныя изученію человѣческаго духа, могутъ изучать его либо въ самомъ себѣ, либо въ его твореніяхъ. Первую группу составляютъ спеціально философскія науки (психологія, логика, теорія познанія); вторая распадается на двѣ подгруппы, смотря по тому, изучаются ли творенія человѣческаго духа въ смыслѣ, такъ сказать, поперечнаго или въ смыслѣ продольнаго разрѣза, т. е. въ своей одновременности или въ своей послѣдовательности. Къ подгруппѣ поперечнаго разрѣза принадлежатъ множество наукъ, называемыхъ «теоріями» или «системами» — теорія языка, теорія искусства, система дѣйствующаго въ данное время права, догматика данной религіи и т. д. Подгруппу продольнаго разрѣза составляютъ двѣ науки — исторія и Ф. Точно опредѣлить понятіе историко-филологической науки можно, слѣдовательно, такъ: «наука, имѣющая своимъ содержаніемъ изученіе твореній человѣческаго духа въ ихъ послѣдовательности, т. е. въ ихъ развитіи». Затруднительнѣе разграничить области обихъ наукъ, входящихъ въ составъ общей историко-филологической науки, т. е. исторіи и Ф. Для установленія правильной точки зрѣнія на этотъ вопросъ надлежитъ прежде всего помнить, что *материальное* разграниченіе обихъ обла-

стей невозможно. Эта невозможность доказывается как неудачей всѣхъ произведенныхъ въ этомъ направленіи попытокъ, такъ и историческимъ ходомъ развитія обоихъ понятій — «Ф.» и «исторія», — въ силу котораго они при нынѣшнихъ, рациональныхъ требованіяхъ къ той и другой наукѣ по необходимости должны были матеріально совпасть. — Слово «исторія» этимологически обозначаетъ «вѣдѣніе»; при чемъ, въ силу родства понятій «вѣдать» и «видѣть», содержаніемъ этого «вѣдѣнія» предпологается то, что человѣкъ «видѣлъ», чему онъ былъ «свидѣтелемъ» — однимъ словомъ, всякаго рода вѣдѣтельное знаніе. Путешествія были, поэтому, необходимымъ подспорьемъ для «историка» въ первоначальномъ смыслѣ; онъ излагалъ то, что узнавалъ изъ устныхъ источниковъ о народахъ, ихъ странахъ, обычаяхъ, флорѣ, фаунѣ, а также и объ ихъ судьбахъ въ прошломъ, поскольку о нихъ существовала устная традиція. Такъ понималъ слово «исторія» первый историкъ цивилизованнаго міра, Геродотъ; слѣды этого пониманія и нынѣ сохранились въ словѣ «естественная исторія». Повѣствованіе о судьбахъ народовъ заняло преобладающее положеніе въ «исторіи» и мало по малу стало единственнымъ содержаніемъ термина. Въ этомъ значеніи онъ перешелъ отъ грековъ къ римлянамъ, при чемъ, однако, необходимо личнаго наблюденія продолжала считаться характернымъ признакомъ исторіи: вотъ почему только исторія недавняго прошлаго называется у римлянъ *historia* (кто по письменной традиціи возстановляетъ исторію давно прошедшихъ временъ, тотъ пишетъ не *historia*, а *annales*). Со временемъ это различіе потерялось: словомъ *historia* стали обозначать всякое подробное историческое сочиненіе, въ противоположность краткимъ конспектамъ (*synopsia*). Въ этомъ значеніи слово перешло къ нынѣшнимъ народамъ; оно не измѣнялось замѣтно вплоть до XIX стол., когда рамки исторіи были сильно раздвинуты: кромѣ такъ назыв. политической исторіи, она приняла въ себя и исторію культуры. А такъ какъ въ область культуры входятъ все то, что создано человѣческимъ духомъ, то ясно, что исторія въ современномъ смыслѣ занимаетъ всю площадь, отведенную выше для общей историкофилологической науки, и при матеріальномъ пониманіи терминовъ рядомъ съ ней для Ф. не осталось бы мѣста. — Къ тому же результату, однако, мы придемъ и для Ф., при обзорѣ развитія этого термина. Первоначально подъ λόγοςъ въ литературномъ значеніи слова разумѣлось всякое сочиненіе, бывшее плодомъ умственной работы автора, между прочимъ и историческое, если только авторъ составлялъ его, по писаннымъ источникамъ, на основаніи собственной комбинаціи; такъ «историку» Геродоту противопоставляются «логографы», которые, однако, по нашему то же были историками. Кто занимался подобными λόγοςъ, тотъ называлъ себя φιλόσοφοςъ (подобно тому, какъ занимавшіеся мудростью, σοφία, называли себя философами); обозначеніе это присваивалось и такимъ ученымъ древности, которые ничего общаго съ филологами нашихъ дней не имѣли. Вообще

въ древности «филологъ», въ противоположность «историку», долженъ былъ обладать двумя качествами: онъ долженъ былъ быть изслѣдователемъ (между тѣмъ какъ историкъ могъ быть простымъ собирателемъ матеріаловъ) и долженъ былъ работать на мѣстѣ, въ библиотекѣ или лабораторіи, а не разбѣзжать по чужимъ странамъ. Отсюда значеніе «кабинетный ученый», которое дѣлается со временемъ преобладающимъ; съ нимъ наше слово переходитъ въ новѣйшую культуру. Такъ какъ изучаемы были въ началѣ только книги древнихъ авторовъ, то значеніе слова «филологъ» сгустилось: филологомъ стали называться тотъ, кто читалъ и объяснялъ древнихъ авторовъ. Но расширеніе не замедлило послѣдовать. Филологъ счелъ своимъ долгомъ извлекать изъ древнихъ авторовъ все то, что можно было изъ нихъ извлечь; изъ объясненія древнихъ авторовъ развилась наука объ античной культурѣ, въ составъ которой вошла, разумѣется, и древняя исторія. А когда, въ началѣ XIX в., на подобіе и по образцу классической Ф. были выработаны Ф. германская, романская, славянская и т. д., то стало ясно, что и исторія, въ узкомъ значеніи политической исторіи, могла относиться къ этой Ф. только какъ часть къ цѣлому. Когда же и исторія развилась до нынѣшней глубины и серьезности и превратилась изъ политической въ общекультурную, тогда она по необходимости *материально* совпала съ правильно понимаемой Ф. — Тѣмъ не менѣе есть коренное различіе между исторіей и Ф.; но оно заключается не въ матеріалѣ, а въ *методѣ* изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что историкофилологическая наука, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, носитъ въ себѣ самой причину своей естественной и неуизбѣдимой двойственности. Всѣ другія науки, имѣя дѣло съ явленіями настоящаго, даютъ своимъ представителямъ возможность, болѣе или менѣе полную, стать лицомъ къ лицу съ изучаемыми ими объектами. Одна только исторія этой возможности совершенно лишена, имѣя своимъ объектомъ прошлое, которое не можетъ быть изучаемо лицомъ къ лицу. Его изученіе возможно только благодаря тому, что оно оставило слѣды; эти слѣды, въ чемъ-бы они ни состояли, мы называемъ *памятниками*; историческій памятникъ — это и есть то третье, неустранимое, стоящее между историкомъ и его прямымъ объектомъ — прошлымъ. Онъ то и обуславливаетъ распаденіе историко-филологической науки на исторію и Ф. Чѣмъ ближе какой-нибудь ученый трудъ къ памятникамъ, тѣмъ болѣе носить онъ филологическій характеръ; чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ памятниковъ и налегаетъ на общіе законы развитія, тѣмъ болѣе его характеръ будетъ историческимъ. Другими словами: Ф. — это обращенная къ *памятникамъ*, исторія — обращенная къ *общимъ законамъ развитія* сторона историкофилологической науки; исторія и Ф. — не двѣ различныхъ науки, а два различныхъ аспекта одной и той же области знанія. Кто устанавливаетъ какой-нибудь историческій фактъ — напр. экономическій характеръ революціи

Гракховъ,—на основаніи свидѣтельствъ лучшихъ источниковъ (при чемъ требуется выдѣлить эти лучшие источники изъ числа всѣхъ имѣющихся источниковъ, разобрать въ текстахъ и т. д.), тотъ устанавливаетъ его филологически; кто его устанавливаетъ на основаніи положенія Итали и римскаго пролетаріата въ данную эпоху, тотъ его устанавливаетъ исторически. Отсюда слѣдуетъ, что строгое отдѣленіе исторіи отъ Ф. на практикѣ невозможно: всякій филологъ долженъ быть въ извѣстной части своего научнаго естества и историкомъ, и наоборотъ; иначе филологическая дѣятельность будетъ безцѣльной, а историческая—безпочвенной. Въ отдѣльныхъ случаяхъ количественное, такъ сказать, отношеніе между историческими и филологическими элементами въ умѣ изслѣдователя бываетъ различно, въ зависимости отъ *большаго или меньшаго несомнѣнія исторической и филологической классификаціи*. Филологическая классификація производится по памятникамъ (мы различаемъ памятники литературные, археологическіе, этнографическіе: см. ниже), историческая—по содержанію (мы различаемъ политическую исторію, исторію культуры, литературы, искусства, языка и т. д.). Чѣмъ болѣе соблюдено требованіе, чтобы каждая отрасль исторической науки имѣла своимъ источникомъ особую и однородную группу памятниковъ, тѣмъ болѣе изслѣдователь можетъ расширить историческую часть своего научнаго естества и съузить филологическую, и наоборотъ. Наиболѣе оно соблюдено въ новой исторіи; здѣсь, поэтому (но также и по другимъ причинамъ), филологъ ступевывается передъ историкомъ. Наименѣе оно соблюдено въ исторіи классическаго Востока: тутъ одни и тѣ же памятники являются источниками и для политической исторіи, и для исторіи языка и т. д.—и потому исторію Египта ступевывается предъ египтологомъ, т. е. филологомъ. Среднее мѣсто занимаетъ *классическая древность*, а такъ какъ она въ то же время и наиболѣе разработана, и ея принципы и методы были образцами для принциповъ и методовъ другихъ областей историко-филологической науки, то мы ею здѣсь и займемся, отсылая для египетской, романской, славянской и т. д. Ф. къ соответственнымъ статьямъ.—Разъ мы убѣдились, что Ф. представляетъ изъ себя обращенную къ памятникамъ сторону историко-филологической науки, то руководящій принципъ для систематизаціи специально классической Ф. данъ самъ собой: этотъ принципъ содержится въ понятіяхъ «памятники» и ихъ «обработка». Мы получаемъ, такимъ образомъ, двѣ серіи филологическихъ наукъ: науки о памятникахъ и науки объ ихъ обработкѣ. Первыя имѣютъ дѣло съ самой матеріей, такъ сказать, Ф., вторыя—съ тѣми силами, посредствомъ которыхъ изъ этой матеріи добывается то, что изъ нея можетъ быть добыто. Итакъ, мы дѣлимъ филологическія науки прежде всего на два класса: науки *материальныя* и науки *динамическія*. Начнемъ съ материальныхъ наукъ. Понимая подъ памятниками классической древности все, что намъ отъ нея осталось, мы

легко убѣдимся, что они распадаются на четыре обширныя группы. Во-первыхъ, однимъ изъ главнѣйшихъ памятниковъ древняго міра является сама земля, бывшая нѣкогда свидѣтельницей его судьбъ; первую группу образуютъ, такимъ образомъ, *географическіе памятники*, при чемъ слово «географія» слѣдуетъ понимать въ обширномъ смыслѣ, т. е. включая въ это понятіе и топографію, и геологію, и метеорологію, и естественную исторію. Во-вторыхъ, отъ древности остались люди—говоря точнѣе, потомки тѣхъ людей, которые составляли нѣкогда древній міръ, нынѣшніе греки и итальянцы; во вторую группу слѣдуетъ выдѣлить, поэтому, *этнологическіе памятники*, т. е., главнымъ образомъ, языкъ, религію и обычай современныхъ грековъ и итальянцевъ (при чемъ слово «религія» слѣдуетъ понимать не въ догматическомъ или конфессіональномъ, а въ этнологическомъ смыслѣ), поскольку они, въ силу естественной преемственности поколѣній, произошли отъ языка, религіи и обычая древнихъ. Въ третьихъ, остались, въ болѣе или менѣе испорченномъ видѣ, и непосредственные памятники жизни древнихъ грековъ и римлянъ: гробницы съ ихъ содержаніемъ, слѣды дорогъ, слѣды и остатки городовъ (стѣны, зданій общественныхъ и частныхъ, главнымъ образомъ храмовъ), статуи, всякаго рода утварь, все это—либо безъ надписей, либо съ надписями, наконецъ, всякаго рода записи на камнѣ, металлѣ, глинѣ, папирусь; третью группу памятниковъ составятъ, такимъ образомъ, памятники *археологическіе* (при чемъ этотъ терминъ слѣдуетъ понимать въ обширномъ смыслѣ, т. е. такъ, чтобы онъ обнималъ также и эпиграфическіе памятники, т. е. надписи, съ папирусами включительно). Наконецъ, намъ осталась въ четвертыхъ, богатая литература древнихъ грековъ и римлянъ, въ спискахъ, входящихъ въ рѣдкихъ случаяхъ до птоломеевской эпохи, но во всякомъ случаѣ болѣе позднихъ (и въ этомъ заключается характерный признакъ, отдѣляющій памятники четвертой группы отъ эпиграфическихъ), чѣмъ время первой записи подлинника; итакъ, четвертую и послѣднюю—и въ то же время важнѣйшую—группу памятниковъ классической филологии образуютъ памятники *библиологическіе*. Изъ этихъ четырехъ группъ состоитъ *инвентарь* нашей науки; первая задача, которую онъ намъ ставитъ, заключается въ томъ, чтобы обратить его въ *сводъ источниковъ* этой науки. Дѣйствительно, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ наши памятники источниками служить не могутъ: западное побережье Малой Азіи значительно измѣнилось за двадцать вѣковъ, вслѣдствіе наносовъ ея рѣкъ, религія грековъ измѣнилась вслѣдствіе принятія христіанства, данный барельефъ или данная надпись сохранились въ неполномъ видѣ, данное литературное произведеніе пострадало вслѣдствіе невѣжества или произвола переписчиковъ. Итакъ, требуется наука, которая научила бы насъ парализовать вліяніе столѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ древняго міра; эта наука называется *критикой*. Согласно сказанному выше, это наука *динамическая*; она сама по себѣ не

имѣть матеріальнаго содержанія, а получаетъ его будучи примѣняема въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Соответственно дѣленію филологическаго инвентаря, мы различаемъ критику географическую, этнологическую, археологическую и бібліологическую (или «филологическую» въ узкомъ значеніи слова). Географическую критику филологъ производитъ въ коопераціи съ географомъ, такъ какъ данныя о прежнемъ состояніи земли черпаются отчасти изъ извѣстій древнихъ, отчасти же изъ ея нынѣшняго состоянія. Въ аналогичномъ положеніи находится и этнологическая критика. Въ обѣихъ только что указанныхъ областяхъ собраніе матеріаловъ производится географами и этнологами (или фолклористами), филологъ же только пользуется результатами ихъ трудовъ. Напротивъ, обѣ послѣднія области находятся всецѣло въ вѣдѣніи филологовъ. Археологическая критика, имѣя дѣло съ оригиналами, видитъ свою задачу въ восстановленіи пропавшаго, а не въ исправленіи упущеннаго (исключенія сравнительно немногочисленны и неважны). Напротивъ, критика бібліологическая, имѣя дѣло съ копіями и перекопіями, заботится главнымъ образомъ объ исправленіи того, что переписчиками невѣрно передано (см. выше, Филологическая критика); вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи обусловлена не стихійными или случайными поврежденіями, подобно критикѣ археологической, а челоувѣческимъ невѣжествомъ и произволомъ, она въ широкой мѣрѣ пользуется психологическими соображеніями и является, поэтому, самой интересной и трудной изъ всѣхъ. Въ то же время она наиболѣе разработана и точнѣе всѣхъ систематизирована, но все же ея система пока отзывается нѣкоторой ремесленностью; полной научности бібліологическая критика можетъ достигнуть лишь путемъ еще болѣе тѣснаго сближенія съ современной психологіей, а это—задача будущаго. Такимъ образомъ, во всѣхъ четырехъ случаяхъ задача критики состоитъ въ томъ, чтобы, устраняя влияние промежуточныхъ столѣтій, восстановить данный памятникъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ искомую эпоху; ея удачное примѣненіе даетъ намъ возможность подняться, такъ сказать, этажемъ выше и превратить нашъ инвентарь въ *сводъ источниковъ* классической древности. Этотъ второй этажъ состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и низшій; и здѣсь мы встрѣчаемъ древнюю географию, этнологию, археологию и литературу, но въ очищенномъ отъ позднѣйшихъ примѣсей и искаженій и восстановленномъ видѣ. Дальнѣйшая работа, которой подвергаются эти восстановленные памятники, двойнаго характера, въ зависимости отъ двойнаго значенія, которое мы имъ приписываемъ. Мы хотимъ отъ нихъ одного изъ двухъ: чтобы данный памятникъ (гора Иеому въ Мессеніи, или фигура Ламіи—вѣдмы—въ народной повѣрхѣхъ, или статуя Венеры Милосской, или комедія Аристофана) или вліялъ на насъ непосредственно, или служилъ бы намъ источникомъ для дальнѣйшей науки—науки о классической древности. Въ первомъ случаѣ мы должны этотъ памятникъ

понять, и притомъ понять *всесторонне*, такъ чтобы въ немъ не осталось ни одной невыясненной стороны; науку, которая насъ учитъ понимать памятники вообще, мы называемъ *герменевтикой*, всестороннее же пониманіе является задачей *аналитической герменевтики*. Примѣняя аналитическую герменевтику, мы должны будемъ гору Иеому объяснять геологически, геоботанически, экономически, стратегически и т. д., фигуру Ламіи—съ этимологической, религиозной, поэтической, нравственной точки зрѣнія, Венеру—съ мнѣологической, эстетической, технической, комедію Аристофана—съ грамматической, метрической, поэтической, исторической и т. д. Согласно сказанному выше, герменевтика является динамической наукой, подобно критикѣ: и она сама по себѣ не имѣетъ матеріальнаго содержанія, а получаетъ таковое лишь будучи примѣнена къ какому-нибудь памятнику, принадлежащему къ своду источниковъ классической Ф. Ея собственное содержаніе образуютъ правила объясненія. Эти правила по отношенію къ географическимъ памятникамъ выходятъ изъ компетенціи филолога; по отношенію къ этнологическимъ они мало разработаны, такъ какъ матеріальный интересъ преобладаетъ здѣсь надъ формальнымъ, и памятники признаются важными почти исключительно какъ источники, о чемъ будетъ сказано ниже. Дѣйствительно разработанной оказывается аналитическая герменевтика по отношенію къ памятникамъ третьей и особенно четвертой группы. Въ этой послѣдней настоящимъ полемъ аналитической герменевтики являются такъ назыв. объяснительныя изданія авторовъ. Мы различаемъ, прежде всего, экзегезу (т. е. объясненіе въ тѣсномъ смыслѣ) и переводъ: первая ведетъ, такъ сказать, читателя къ памятнику, второй—памятникъ къ читателю. И здѣсь, и тамъ мы различаемъ, затѣмъ, формальный и реальный элементы и т. д.—Второй родъ герменевтики, какъ мы увидимъ, образуетъ соединительную нить между филологическимъ и историческимъ аспектами историко-филологической науки; а такъ какъ аналитическая герменевтика завершаетъ собою филологическій аспектъ, то умѣстно будетъ, въ связи съ нею, поговорить о спеціально филологической классификаціи матеріала историко-филологической науки. Примѣнительно къ сказанному выше, мы получаемъ слѣдующее дѣленіе.

1. Географія древняго міра, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ географической наукой древнихъ (ошибка, допущенная еще Ф. А. Вольфомъ; географическая наука древнихъ составляетъ часть исторіи наукъ въ древности и, какъ таковая, принадлежитъ къ исторической, а не филологической классификаціи). Подъ географіей слѣдуетъ разумѣть исключительно географію физическую, такъ какъ только о ней нынѣшняя фізіономія классическихъ странъ дозволяетъ сужденія; зато она охватываетъ также и смежныя области—геологию, метеорологию, климатологию, зоологию, ботанику.

II. Этнологія, т. е. наука о языкѣ (включая народную литературу), религіи и нравахъ

нынѣшнихъ обитателей древняго міра. Поскольку эти науки не имѣютъ самостоятельнаго интереса (какъ этнологія специально италянцевъ или новогрековъ), онѣ цѣликомъ вошли въ соответственные отрасли исторической системы, такъ что въ этомъ пунктѣ филологическая и историческая классификація совпадаютъ.

III. Археологія въ широкомъ смыслѣ. Въ составъ этой науки входятъ: 1) наука о памятникахъ инженерныхъ: дорогахъ, мостахъ, водопроводахъ, цистернахъ, туннеляхъ, фортификаціонныхъ работахъ и т. д. Ни общаго свода, ни общаго имени нѣтъ. 2) Археологія въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. наука о памятникахъ искусства древнихъ. Эти памятники дѣлятся на слѣдующія категоріи: а) памятники архитектурные, непосредственно соприкасающіеся съ инженерными. Къ нимъ, кромѣ зданій въ тѣсномъ смыслѣ (храмовъ, театровъ, амфи-театровъ, базиликъ, термъ, частныхъ домовъ), принадлежатъ также, въ своей архитектурно-технической части, гробницы—какъ подземныя, такъ и открытыя,—триумфальныя арки и т. п.; б) Памятники скульптурные, распадаясь на двѣ крупныя категоріи: статуи (включая группы, гермы, бюсты, статуетки) и рельефы. Среди послѣднихъ особенно выдѣляются по численности и важности рельефы саркофаговъ, т. е. скульптурныя украшенія стѣнъ и крышекъ объемистыхъ, болѣею частью мраморныхъ гробовъ, въ которыхъ хоронили покойниковъ. Другія разновидности рельефовъ—надгробныя плиты, метопы и фризы храмовъ, родственныя имъ стѣнныя украшенія и т. д.; в) памятники древней живописи, распадаясь на тоже главнымъ образомъ на двѣ группы: вазовую роспись и фрески, болѣею частью помпейскаго происхожденія. Въ сравненіи съ этими двумя группами прочіе памятники отступаютъ на задній планъ; по своему техническому интересу заслуживаютъ, однако, упоминанія мозаики. Къ памятникамъ живописи примыкаетъ и обширный классъ такъ наз. этрусскихъ зеркалъ, т. е. рѣзьба на оборотной сторонѣ бронзовыхъ зеркалъ, главнымъ образомъ міеологическаго содержанія; г) домашняя утварь и прочія издѣлія, главнымъ образомъ изъ глины и бронзы, рѣже изъ золота, серебра, камня, слоновой кости и друг. матеріаловъ. Особую важность имѣютъ здѣсь глиняныя, болѣею частью росписныя вазы, сохранившіяся въ огромномъ числѣ; ихъ изученіе составляетъ содержаніе особой науки, такъ назыв. керамики (обнимающей, въ широкомъ смыслѣ, также и прочія издѣлія изъ глины). Интересны также рѣзные камни (гемиы и камели). 3) Нумизматика, т. е. наука о монетахъ и родственныхъ имъ памятникахъ. 4) Эпиграфика, т. е. наука о надписяхъ, болѣею частью на мраморѣ, какъ общественаго, такъ и частнаго характера (изъ послѣднихъ особенно выдаются надгробія, составляющія самый многочисленный классъ эпиграфическихъ памятниковъ). 5) Папирологія, особенно расцвѣтшая за послѣднее время благодаря находкамъ въ Египтѣ; это—наука о сохранившихся отъ самой древности записяхъ на папирусѣ. Папирологія стоитъ на межѣ меж-

ду археологіей и библиологіей: изъ ея обихъ классовъ одинъ—папирусы документальныя—соприкасается съ эпиграфическими памятниками, обладая ихъ отличительной чертой—оригинальностью, между тѣмъ какъ второй классъ—папирусы литературныя—только своей сравнительной древностью отличается отъ рукописей библиологическаго разряда. Къ папирусамъ, примыкаютъ и родственныя имъ записи на свинцѣ, воскѣ, деревѣ и особенно на глиняныхъ черепкахъ (*ostraka*), служившихъ очень распространеннымъ матеріаломъ для всякаго рода росписокъ; сюда же собственно слѣдовало бы отнести и стѣнныя записи не-монументальнаго характера (*dipinti* и *graffiti*), найденныя въ большомъ числѣ особенно въ Помпеяхъ и относимыя, обыкновенно, къ эпиграфическимъ памятникамъ.

IV. Библиологія. Огромная масса списковъ памятниковъ античной литературы за сравнительно немногими исключеніями, была составлена въ средневѣковую эпоху; науку объ этихъ спискахъ, учащую въ нихъ разбираться, мы называемъ *палеографіей*; это—преддверіе библиологической критики. Палеографъ имѣетъ дѣло исключительно съ данной рукописью; результатомъ его работы является ея прочтеніе, сличеніе или копія съ нея. Когда эта работа сдѣлана, вступаетъ въ свои права *критика*. Критикъ имѣетъ дѣло обыкновенно съ цѣлымъ рядомъ рукописей; его задача—опредѣлить ихъ взаимную зависимость, выдѣлить наиболѣе достовѣрныя между ними и на ихъ основаніи (дипломатическая критика), а также и на основаніи догадокъ другихъ ученыхъ и своихъ собственныхъ (конъектуральная критика), возстановить по мѣрѣ возможности первоначальный текстъ. Результатомъ работы критика будетъ такъ наз. критическое изданіе автора, т. е. его очищенный текстъ, снабженный такъ наз. критическимъ аппаратомъ, т. е. примѣчаніями о разночтеніяхъ рукописей (*variae lectiones*) и догадкахъ новѣйшихъ ученыхъ (*adnotatio critica*), а также, по желанію, и объ образцахъ и подражателяхъ издаваемаго автора. По окончаніи работы критика вступаетъ въ свои права *герменевтика*—разумѣется *аналитическая*, дающая въ результатѣ комментированное (или объяснительное) изданіе автора. Такова обязанность Ф. по отношенію къ сохранившимся въ особыхъ спискахъ авторамъ: сохранилось же сравнительно очень небольшое число памятниковъ древней литературы. Но и объ остальныхъ нельзя сказать, чтобы они совсѣмъ пропали для науки: сохранились *отрывки*, либо въ клочкахъ папирусовъ, либо въ древнихъ христоматіяхъ, либо въ цитатахъ позднѣйшихъ авторовъ. Если, по этому, задача критика по отношенію къ сохранившимся авторамъ состоитъ въ критическомъ изданіи, то по отношенію къ несохранившимся она состоитъ въ *собраніи ихъ отрывковъ*: это—особая вѣтвь библиологической критики, имѣющая свои особые методологическіе приемы.—Такова, въ бѣгломъ обзорѣ, филологическая классификація историко-филологической науки. Прежде чѣмъ перейти къ исторической, мы должны упомянуть о той

динамической наукѣ, которая составляетъ связь между Ф. и исторіей. Эта наука—*синтетическая герменевтика*. Отъ аналитической она отличается: 1) своей односторонностью—въ данномъ памятникѣ она видитъ исключительно источникъ интересующей ея науки и только съ этой точки зрѣнія его интерпретируетъ; 2) своей широтой—она не ограничивается однимъ памятникомъ, а обнимаетъ всё, въ конхъ можетъ рассчитывать найти матеріалы для этой науки. Если аналитическую герменевтику можно уподобить исходящимъ отъ памятника и направляющимся въ различныя стороны лучамъ, то синтетическая уподобляется лучамъ, исходящимъ отъ памятника въ одномъ направленіи, а именно въ направленіи къ искомой наукѣ, гдѣ они соединяются съ другими лучами, исходящими въ томъ же направленіи отъ другихъ памятниковъ. Естественный порядокъ, разумеется, тотъ, чтобы аналитическая герменевтика предшествовала синтетической: прежде всего памятнику долженъ быть объясненъ какъ таковой, и уже послѣ того мы можемъ думать о томъ, чтобы, комбинируя его съ однородными памятниками, создать, на основаніи этой комбинаціи, одну изъ дисциплинъ, составляющихъ науку о классической древности. Такимъ образомъ мы, съ помощью герменевтики, поднимаемся еще этажемъ выше: отъ *свода источниковъ* классической древности къ самой *системѣ наукъ* о классической древности. Эти науки, вмѣстѣ взятыя, составляютъ исторію древняго міра въ широкомъ смыслѣ слова; ихъ классификація, поэтому—классификація историческая, почти совсѣмъ не совпадающая съ филологической. Мы ограничимся здѣсь краткимъ наброскомъ этой классификаціи, отсылая въ прочемъ къ статьѣ Исторія. Такъ какъ историческія науки, какъ науки о духѣ, примыкаютъ къ психологін, то и для ихъ классификаціи разумнѣе всего будетъ взять въ основу дѣленіе психологін на народную и индивидуальную. Исходя изъ него, мы получимъ дѣленіе науки о древнемъ мірѣ на двѣ крупныя категоріи.

1. Исторія народнаго творчества древняго міра. Такъ какъ объектовъ народнаго творчества три—языкъ, религія, обычаи,—то и его исторія распадается на три части. 1) Исторія языка въ его четырехъ составныхъ частяхъ: фонетической, морфологической, лексикологической и синтактической. А такъ какъ оба такъ наз. древнихъ языка (латинскій и греческій) суть только сильныя побѣги, одержавшіе въ борьбѣ за существованіе побѣду надъ болѣе слабыми (такъ наз. говорами или діалектами), то въ составъ исторіи древнихъ языковъ входятъ также и діалектологія. 2) Исторія религіи, въ ея трехъ составныхъ частяхъ—догматической, миеологической и ритуальной. 3) Исторія обычаевъ и нравовъ, очень богатая, такъ какъ она касается всѣхъ продуктовъ народнаго творчества въ области быта, отъ скромнаго глинянаго горшка до гражданской общины. Мы различаемъ здѣсь: а) исторію матеріальной культуры и, въ связи съ нею, экономическую исторію; б) исторію нравственной культуры и, въ

связи съ нею, съ одной стороны исторію народнои нравственности, съ другой—исторію права; в) политическую исторію (т. е. исторію государствъ), какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю.

II. Исторія индивидуальнаго творчества древняго міра. 1) Въ области наукъ. Такъ какъ главной и центральной наукой въ древности была философія, то здѣсь на первомъ планѣ стоитъ исторія философіи, на второмъ—исторія всѣхъ прочихъ наукъ. 2) Въ области искусства. Тутъ мы различаемъ: а) исторію литературы—поэзіи и прозы; б) исторію архитектуры, ваянія и живописи; в) исторію музыки, мимики и оркестрики, о которыхъ, однако, за недостаткомъ матеріаловъ, сказать можно не особенно много.

Литература. Первые попытки создать систему классической Ф. сдѣлалъ Fr. A. Wolf («Darstellung der Altertumswissenschaft» 1807) и Ast («Grundriss der Philologie»); сочиненія ихъ совершенно схематичны. Гораздо выше стоитъ A. Böckh («Encyclopädie und Methodologie d. philologischen Wissenschaften», 2 изд. 1886), но ему повредило стремленіе отдѣлить Ф., какъ «познаніе познаннаго», отъ исторіи. Сознаніе ихъ матеріальнаго совпаденія мы находимъ у Вундта («Logik», т. 2-й, ч. 2-я, стр. 303—436, 2 изд. 1896), но перестроить все зданіе Ф. на этомъ новомъ основаніи онъ, не будучи специалистомъ, не могъ; онъ опирается главнымъ образомъ на Бёка. Краткое руководство Урлихса («Grundlegung u. Geschichte d. Klass. Altertumswissenschaft») даетъ чисто внѣшнее и произвольное дѣленіе Ф. на чистую, историческую и философско-эстетическую. Настоящая статья, составляющая извлеченіе изъ университетскаго курса автора о филологической энциклопедіи, является (насколько автору извѣстно) первой попыткой построить систему Ф. (точнѣе—историко-филологической науки) на заимствованной у Вундта основной мысли, которую мы выше формулировали такъ: Ф. представляетъ изъ себя обращенную къ памятникамъ сторону историко-филологической науки.

Ф. Зѣлинскій.

Филологъ (Филологος—любитель слова, учености, наукъ, Римл. XVI, 15)—христіанинъ, пріѣтствуемый апост. Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ. Преданіе причисляетъ Ф. къ числу семидесяти апостоловъ. Дороеей и Епифаній пишутъ, что Ф. апост. Андреемъ поставленъ былъ епископомъ Синопа въ Понтѣ. Память Ф. 4 января и 5 ноября.

Филоматы (по-гречески любители наукъ) и **Филареты** (по-гречески любители добродѣтели)—названіе студенческихъ обществъ виенскаго университета въ первой четверти XIX в. Первое изъ такихъ обществъ было основано въ концѣ учебнаго 1804—5 г. и состояло изъ студентовъ физико-математич. факультета; оно имѣло цѣлью обмѣнъ мыслей и взаимную помощь въ изученіи наукъ избраннаго факультета. Въ 1805—6 г. по его образцу основано было общество такъ наз. моральныхъ наукъ (право и администрація, теологія, всеобщая исторія и философія). Къ этому обществу принадлежалъ Лелевель. Вскорѣ со-